

ВОСПОМИНАНИЯ О ВИКТОРЕ ДМИТРИЕВИЧЕ ЗАМИРАЙЛО

(письмо Елены Григорьевны Михайловой
Анатолию Филипповичу Иваненко) *

Просто не знаю, как и начать это письмо к Вам, дорогой Анатолий Филиппович. Наверное, надо так:

С 23-его по 29 год работала я натурщицей. И вот в то время, как я стояла в Академии Художеств, в классе, руководимом Осипом Бразом¹ и Рыловым², там учился сын Кустодиева Кирилл Борисович³.

Отец его Борис Михайлович, увидав рисунки своего сына с меня, пригласил меня приходить к нему на дом. Вот я и стала по вечерам ходить к Кустодиеву, который тогда уже был прикован к креслу. Было это в 24 году, в последние зимние месяцы. Мне тогда был 21 год.

Ну, как приглашают люди друг друга на чашку чая, так Кустодиев пригласил Виктора Дмитриевича Замирайло заходить по вечерам, порисовать новую модель. Вот так я и увидела первый раз Виктора Дмитриевича. Он был одет в драповое пальто, подпоясанное веревкой, поверх этого пальто была накинута пелерина, застегивающаяся у ворота на пряжку с двумя львиными головками, и шапка из черных барашковых шкурок (собственного изготовления – его слова). Седые длинно подстриженные волосы, баки (которым всю жизнь завидовал Вл. Вас. Лебедев⁴) у него не росли. Лицо бритое, красивое. Было в нем что-то от Диккенса, от его благородных немолодых героев, что-то еще и не русское, а скорее отдающее французом (в его родословной есть фамилия Сабо – это очевидно, где-то что-то осталось от нашествия Наполеона), так сам Виктор Дмитриевич говорил.

Приходили на эти рисовальные вечера еще и друзья Кирилла Борисовича Шульц⁵, Башинский. Как-то я всю эту компанию заставила довольно долго себя ожидать. Затерялся ключ от моей комнаты, потом вдруг нашелся в домашней тужурке. Стоя на позе, я им все это и рассказывала в оправдание своего опоздания и фантазировала, что водится де у меня такой Патанька – он маленький, с хвостиком, в шерсти и с копытцами, только без рожек. Вот это он-то и прячет нужные вещи, и пока не скажешь «Патанька-Патанька, покажи, куда девал», он не отдает. Так, говорю, – и с ключом сегодня было. Я только не вспомнила сразу, что надо к Патаньке обратиться, потому так долго и провозилась с поисками. Вот эта моя болтовня очень Виктору Дмитриевичу понравилась.

Впоследствии он мне дал прозвище Потанька.

Внешне Виктор Дмитриевич был очень приятен: голубые внимательные глаза, старомодные какие-то галантность и изящество. Был 24 год. Ему было тогда 56 лет.

С 18-го года он болел цингой, и в 24-ом она его еще не оставила. Болели суставы, плохо слушались ноги, шатались зубы. И все это еще можно было укрепить, восстановить рациональным питанием. Мне очень тогда захотелось проникнуть к нему, войти как-то в его жизнь, помочь ему. А тут еще Кирилл рассказал, что Виктор Дмитриевич нелюдим, что дома у него как-то мрачно, необычайно всюду нарисованы всякие листочки-ветки, и даже почтовый ящик на дверях кв. № 13 тоже черный. Как-то уже ранней весной случилось нам с В. Д. выйти от Кустодиева вместе. И я попросилась к нему в гости. Так и сказала: «Виктор Дмитриевич, я хочу к Вам в гости». На что и получила ответ: «Не смею Вам отказать, но стоит ли вам заходить в такую берлогу». Я настояла и вскоре пришла к нему. Он жил на В. О. [Васильевском острове. – О. С.], уг. Малого и 10 Линии в доме № 51 по 10 Линии. Это была квартирka из двух

* Лист-спогад зберігається в Центральному державному архіві-музеї літератури і мистецтва України. Публікуємо зі збереженням авторської стилістики, орфографії, пунктуації з незначними правками. – [О. С.].

комнат с кухней, в которой была ванна и с дровяной плитой, в III-ьем этаже, 4 окна выходили на Малый проспект. Действительно, листики и веточки попадались на глаза то тут, то там. Они были синие и черные, сыпались гирляндой по треснутому стеклу кухонного окна, украшали водяной бачек в туалете, шли черным орнаментом по комнатной печке. Окна без всяких занавесей. Но квартирка была вовсе не мрачная. Также как и хозяин ее не был нелюдимом, а только застенчивым и скромным. Окна в квартире не мылись, наверное, несколько лет. На плите, на развернутом газетном листе была рассыпана сваренная и высохшая гречневая каша в большом количестве. По мере надобности, Виктор Дмитриевич накладывал этой сухой каши в кастрюлю, заливал водой, ставил на примус и через 10 минут кипения имел еду. Так вот он и питался, как говорил он, «без затраты времени и труда». Но цынга-то в нем благодаря такому питанию и держалась.

Вот я и побежала с места в карьер на ближайший рынок, что неподалеку на Малом проспекте. Приобрела там фаршу мясного, луку, яблок, картофеля, прикупила в магазине сахару, масла, хлеба и соли. И завела у него свое хозяйство под тихие его вопли и сопротивление. Когда были готовы поджаристые котлеты (в которые я положила муку), отварной чищенный картофель и яблочный супчик, мы сели с ним обедать.

Это был человек крайне неприспособленный к бытовой жизни⁶, не покупал мяса, потому что его варить долго, а за керосином в очереди стоять тошно. Дрова же ему тогда доставались с трудом, вязанками и дорого. Обедая, он приговаривал: «Это просто чудо! И как это так все быстро можно сделать! И как же смачно!!!».

Вот с этих-то обедов (ставлю себе это в заслугу без лишней скромности) и начал поправляться наш Виктор Дмитриевич...

Поначалу я думала, что просто буду помогать ему материально. Натурщицы <...> зарабатывали хорошо <...> [незрозуміло. – О. С.] (но он не допустил никаких моих на него затрат). Я этот черновик письма для большей четкости, чтобы читать Вам его, несбиваясь, переписала еще раз. И вот буквально вчера, перебирая небольшой архивчик, который остался у меня после смерти В. Д-ча, я наткнулась на его письмо-черновик (он без черновигов не писал) к Александре Васильевне Екатихиной, где прочла слова обо мне, растревожившие мое старое сердце. Очевидно, на ее вопрос, не женился ли он (такие слухи дошли до нее за границу), что он стал франтом (новое зимнее пальто) и что часто видят его в обществе молодой особы.

Он пишет: «Как-то года два тому назад зашел я к Кустодиеву, а он срисовывает для какой-то своей картинки некое юное создание. Уходя, оно (создание) напялило на себя (зима была) какие-то дохлые пиджаки, какие-т[о] старые вязаные платки, затем декорировало – всю эту печаль пальтом не назовешь – чем-то рыжим, подбитым ветром».

Такое предисловие вмиг меня покачнуло (вы знаете мое самаритянское свойство). «Затем она как-то попросилась ко мне в гости и держалась у меня дома потрясающей милочкой, делала уборки, жарила котлеты, варила изумительные супчики – и все это с такой заботливостью. Мог ли я не утвердиться в своем самаритянском решении. Не супчики, разумеется, меня растрогали, а эти усилия помочь недалекому от гибели Замирайло...». Вот и получилось у нас с Виктором Дмитриевичем что-то перекликающееся с рассказом О. Генри «Дары волхвов». Я пожалела его, а он, еще добрее, пожалел меня. Я стала много позировать для руки, ноги, какого-нибудь поворота, но почти никогда – обнаженной.

Все мои уборки, нападения на его беспорядки терпел, а потом как-то и совсем приручился. Стал брать больше заказов, появилось у него желание больше зарабатывать. Он любил цирк, кататься на лодке по Неве, кинематограф, бродить по кладбищам. Во всех этих «мероприятиях» я стала постоянной его спутницей. Как я теперь оглядываюсь на старости лет, нас связывала прекрасная, чистая дружба. Виктор Дмитриевич, даже, пожалуй, и любил меня. Но почтительно и старомодно так, как теперь этого и не объяснишь никому.

Я очень боялась сообщить ему, что собираюсь выходить замуж, так как боялась, что это как-то огорчит его, в какой-то мере обездолит. Но он признание это мое принял просто, мудро и душевно. Продолжал быть таким же другом.

Теперь маленький экскурс в его детство. Когда он был пяти лет от роду, ему кто-то подарил картинку батального содержания: лошади, всадники, сражение – все это его поразило, но картинка была не в красках. Ложась спать, маленький Витя, или Виткиня, как называли его домашние, попросил: «Ангел Божий, раскрась картинку!». Положил ее себе под подушку. На утро прежде всего посмотрел на картинку. Она оказалась не раскрашенной! «Ну, что тебе стоило!» – сказал мальчик. (Наверное, Ангел знал, что со временем он и сам будет хорошо раскрашивать картинки, потому и не раскрасил...). Как-то лет пяти тоже на купаньи спрашивал: «Мама, почему все женщины похожи на гитары, а дяди – нет?».

Была у Виктора Дмитриевича одна очень короткая и очень гордая молитва: «Благодарю Тебя, Создатель, что я не похож на своих современников!».

Очень много фантастических мыслей, эскизов сделал он в период с 24 по 29 год на быстро пожелтевшей и легко истлевающей бумаге – не ценил себя. Он был щедр, когда делился со мной и моей семьей своими недостатками. Например, как-то раз моя бабушка, получавшая пенсию, пришла домой в ужасном расстройстве – она даже не успела ничего купить на только что полученную пенсию – все деньги у нее вытащили. Бывший у нас в это время Виктор Дмитриевич об это услышал. Вечером того же дня пришел к бабушке посыльный с письмом от В. Д-ча. В конверте лежала вся ее пенсия и записка: «Многоуважаемая Ольга Ивановна, мне удалось разыскать похитителя Ваших денег и отнять их у него. Искреннейше уважающий Вас В. Замирайло».

А однажды он зашел к нам, зная, что у нас туговато с деньгами, но никого не застал, кроме крепко спавшей бабушки (мы жили в комнатной системе, он просто открыл дверь в ее комнату). Увидев, что она крепко спит, будить ее не стал, а просто обсыпал ее всю энным количеством трешек и ушел. Бабушка, проснувшись, как Даная, под золотым дождем, долго не могла придти в себя от изумления, радости и благодарности.

В 29-м году с В. Д. как-то ночью, очевидно, произошел удар – он стал плохо видеть – поражены были зрительные нервы. Лучшие врачи города (у кого только мы не перебивали с ним) сказали, что болезнь его необратима.

Тогда детей у меня еще не было. Пришлось больше проводить с ним времени, пока он привыкал к своему искалеченному зрению, – страшно было, что попадет под транспорт – оступится. Потом привык, сам стал ездить в столовую Союза художников. У меня обедать не захотел. Он вообще почти никогда ни у кого не ел и не пил.

Свирепел, досадовал на свою болезнь, легко впадал в раздражительность, но не угасал в нем интеллект. Приспособился читать и читал много. Полуслепой бывал у меня часто, я у него тоже потом. В 38 году уплотнили, вселили какую-то неподходящую громогласную особу с дочкой.

В 38 году ЛОССХ⁷, пойдя ему навстречу, взамен одной оставшейся его комнаты, дал ему приют здесь в ЛОССХ'е. Все было для него удобно, и столовая тут же. Но это повело к сидячему образу жизни, что и повлекло за собой скорое одряхление. Ведь ему было уже 70 лет. В 30 году в ЛОССХ'е делали большой ремонт, столовую закрыли. Я взяла Виктора Дмитриевича к себе. У меня была комната в 23 метра. Так мы и прожили вместе около 2-х месяцев – я и мои уже двое детей. Мне нужно было уехать с детьми на дачу к мужу в Вязьму. Без меня за ним ухаживала моя мать – бабушки уже не было.

ЛОССХ тем временем хлопотал для В. Д. о привилегированном доме для престарелых. И вот когда меня еще не было, художник Воинов и какое-то административное лицо Сольников увезли Виктора Дмитриевича в этот самый дом в Старый Петергоф.

Вернувшись 30 августа, я сразу же поехала к В. Д-чу. Но там, куда его поместили первоначально, его не оказалось. Мне сказали, что он перевезен в «III-й куст». Этот

«куст» был чорт знает чем! В одной небольшой палате, солнечной и душной, буквально гудящей от тысяч мух, вместе с пропившимися дворниками, ломовиками и прочей «знатью» находился дорогой наш Виктор Дмитриевич. Кружка с питьем на столике была липкая, темная, обсиженная мухами. Когда я ее вымыла под краном с мылом и песком, она оказалась белой и потекла...

Он уже лежал, не вставая с постели. Руки его были испачканы, Бог знает чем. Ногти на руках и ногах не острижены. Руки, которые подарили нам столько тончайшей прелести его рисунков. Конечно, я привела его в порядок. Скрывая слезы, я сказала ему, что возьму его к себе не позднее 2 сентября. Обрадовался и сказал, что будет терпеливо ждать этого. 31 августа опять навестила его, уже с детьми.

1 сентября отвела дочку в школу в первый раз. Приготовила ему угол у себя и 2-го поехала опять к нему. Приехав, увидела его кровать пустой.

– А где он?

Он умер с 1-го на 2-е в ночь, – сказали мне.

И косвенной причиной этой ускоренной смерти была я. Увидел медперсонал этого куста, что у больного Замирайло кто-то появился, что на ужасную грязь и скверное содержание больного могут пожаловаться (хотя я слова ни с кем не сказала), решили за ним «поухаживать», сделали ему горячий, чем это ему можно было, ванну, в которой он кричал, потерял сознание и вскоре после которой умер. – Больные рассказали.

Зная его 15 лет, я не была с ним в последний его час, не напоила его перед смертью, не сказала сама и не выслушала последних его слов. Это было горестно и долго мучило меня.

Ну, вот все, что я могла Вам сказать о Викторе Дмитриевиче, о человеке исключительно-чистом, красиво-добром, благородном и нежном, о высокопорядочном и требовательном к себе и к другим.

Ваша Ел. Михайлова.

¹ Осип (Йосип) Емануїлович Браз (1873–1936) – живописец, гравер-офортист, літограф.

² Аркадій Олександрович Рилов (1870–1939) – живописец-пейзажист, графік, педагог.

³ Кирило Борисович Кустодієв (1903–1971) – живописец.

⁴ Володимир Васильович Лебедев (1891–1967) – живописец, графік.

⁵ Возможно, мається на увазі Арсеній Леонідович Шульц (1910–1976) – живописец, графік.

⁶ Из цього приводу С. Яремич зазначив: «Вся неустойчивость Замирайло в житейском отношении заключается в его удивительной непрактичности, а это косвенно отражается и на его искусстве. Беззаботность юных лет, когда жизнь кажется бесконечной, а область деятельности – безбрежной, мало-помалу суживаясь, невольно омрачается суровым опытом зрелого возраста. Но беззаботные натуры не учатся приспособлению к жизни. Они не призваны играть какую-либо общественную роль. У них не только нет склонности к этому, но нет и притязаний, хотя бы для виду, на какое-нибудь общежитейское дело. К таким характерам относится и Замирайло. В нем преобладает художественная стихия. Для него самое важное значение представляют свои собственные фантазии, и в его глазах они взяли перевес над незаменимыми фактами жизни. Замирайло из породы художественных натур типа героев Гофмана. Писатель этот, кстати сказать, с детства увлекал нашего художника, ставящего свои вымыслы выше явлений окружающего мира. Вероятно, отсюда и ведут свое начало непригодность, непонимание, даже игнорирование жизненной практики. В конце концов круг интересов художников этого типа суживается, и удел их – одиночество» [35, с. 225].

⁷ Ленинградское отделение Союза советских художников (ЛОССХ).

*Підготовка до друку та примітки
Оксани Сторчай*

SUMMARY

The article deals with the publication of a reminiscent letter of the poetess Olena Mykhaylova about the talented artist and book illustrator Viktor Zamyraylo, She looked after him during his last years. The poetess Olena Mykhaylova was one of the most popular sitters in Petrograd in the 1920s–1930s (she sat for paintings of B. Kustodiyev *Russian Venus* and V. Liebediev *A Girl with a Guitar*); after the death of Viktor Zamyraylo, she became the executor of his will related to all his creative heritage.

A great aesthete and elegant artist with his own charm, V. Zamyraylo worked with a particular feeling of freedom. The painter's artistic heritage is rather big. He was an acknowledged virtuoso of book and magazine covers, illustrations and types, a gifted draftsman, engraver and painter; he worked in the field of set design and was also engaged in teaching. His creative work has become an integral part of the national culture; yet, there is so far neither an album nor a monograph on the artist at the present stage of Ukrainian art studies development. The publication of O. Mykhaylova's reminiscences about V. Zamyraylo will add new facts and details to his biography and enrich our ideas on the master's personality.

The reminiscent letter addressed to the collector A. Ivanenko is stored at the Central State Archives-Museum of Literature and Arts of Ukraine and is being published for the first time with following the author's stylistics, spelling and punctuation and minor edits.

Keywords: Viktor Zamyraylo, Olena Mykhaylova, reminiscences on the artist, St. Cyril's Church, St Volodymyr's Cathedral in Kyiv, church with burial vault in the Orzowski estate.